

ТИПОЛОГИЯ АЛТАЙСКОГО СИНКРЕТИЗМА И АНГЛИЙСКОЙ КОНВЕРСИИ

С. Л. Чариков¹

Востоковеды России традиционно владели западными языками и следили за всеми новинками западной культурологии и лингвистики. Столь же традиционно современные «западоведы», во всяком случае языковеды, игнорируют многие факты восточных и северных языков, не только не учитывая их при построении своих всеобъемлющих теорий, но зачастую механически подверстывая их к каким-либо уже известным и получившим наименование явлениям.

Безусловно, наименовать явление, тем самым выделив его в самостоятельный объект исследования – задача необходимая и далеко не простая. Но наименовать явление еще не значит объяснить его, а если одно название распространить на хотя в чём-то и сходные, но отнюдь не идентичные факты, то ситуация не только не проясняется, но и запутывается ещё больше.

Такая ситуация сложилась с так называемыми “синкретическими формами” алтайских языков, которые именовались также “именами качества” или “качественными именами”, “именами с нерасчлененной семантикой” и с откровенно эмоциональным оттенком “дефектными”, “недостаточными” именами. Все эти определения относились к неглагольным синкретическим формам типа существительное/прилагательное, прилагательное/наречие и пр., то есть к тем лексемам, которые, не меняя своей формы и в зависимости от контекста, могли выступать в роли существительного и прилагательного, наречия и прилагательного и т. д. Глагольные синкретические формы соответственно могли играть роль глагола и существительного (прилагательного, наречия и т. п.).

Подобное явление хорошо известно и в английском языке под названием “конверсия”, то есть “переход” слова из одной грамматической категории в другую. Это во многом чисто внешнее совпадение приводит к смешению двух на первый взгляд похожих, но принципиально различных по своей глубинной сути языковых фактов. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы, во-первых, определить ведущие параметры для сравнения и, во-вторых, провести сравнение по единой методике.

Основным аспектом любого языка следует, пожалуй, признать семантику. На семантику, в конечном счете, “работают” все остальные составляющие языка: фонетика, морфология, синтаксис, акцентология и пр. И в английском, и во всех алтайских языках (в частности, эвенкийском и бурятском) переход лексемы из одного грамматического разряда в другой влечет за собой определенные изменения в ее

¹ Санкт-Петербург

семантике. Именно эти новые значения оказываются практически не исследованными и не классифицированными. Справедливости ради следует отметить, что А. И. Смирницкий рассматривал конверсию в английском языке как разновидность словообразования,² а О. Н. Труевцева исследовала возникающие при конверсии “приращенные значения”.³ Однако эти исследования недостаточны для системного сопоставления алтайского синкретизма с английской конверсией. Предварительные попытки такого сопоставления уже предпринимались автором совместно с Л. Б. Эргман,⁴ но они требуют дальнейшей разработки и развития.

В конце концов, вся проблема и “конверсивных”, и “синкретических” форм сводится всего лишь к необходимости обнаружить, почему, например, если в английском языке *shrimp* в качестве существительного значит ‘креветка’, то тот же комплекс букв (или, если угодно звуков) в глагольном значении означает ‘ловить креветок’, но не ‘варить креветок’ и не ‘поедать креветок’. Почему существительное *tail* ‘хвост’, превращаясь в глагол, вовсе не передает, казалось бы, самое естественное в данном случае действие ‘вертеть хвостом’, а раздваивается на диаметрально противоположные значения: 1. ‘снабдить хвостом’ и 2. ‘лишить хвоста’?

Таких вопросов можно задавать множество. Ответы на них, по крайней мере, если дело касается алтайских синкретических форм, можно найти, анализируя и классифицируя семантику всех существующих в данном языке лексем этого рода.

В эвенкийских синкретических формах типа существительное/глагол при смене функций происходят семантические изменения того же характера, что и при суффиксальном словообразовании. Прежде чем рассмотреть некоторые семантические особенности этих форм, скажем несколько слов о самом явлении синкретизма. Очевидно, что истоки синкретизма следует искать в самых ранних стадиях возникновения языков, где-то на границе между коммуникативными звуковыми сигналами животных и зарождающейся второй сигнальной системой человека, в которой ещё не выработалась грамматическая дифференциация слов по частям речи. Этот период, безусловно, нельзя связывать ни с каким из известных ныне живых или мертвых языков, какими бы архаичными чертами они ни обладали.⁵

Современный синкретизм алтайских языков лишь типологически сходен с этим “первобытным” синкретизмом, и его можно характеризовать лишь как реликтовый способ, используемый современным языком для целей словообразования. Именно поэтому лишь в рамках современных языков можно рассуждать о “первичности” или же “вторичности” одного из грамматических значений – глагольного или именного, в то время как “первобытная” синкретическая форма (она же “сигнал”), употребляемая не в контексте развернутого предложения, а в контексте реальной ситуации, была носителем двух этих качеств одновременно.

Вернемся, однако, к синкретическим формам эвенкийского языка типа существительное/глагол. В наиболее простом случае при употреблении подобной формы в одном из двух качеств никаких семантических изменений в слове не

² А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 71.

³ О. Н. Труевцева. Английский язык: особенности номинации. Л., 1986. С. 59.

⁴ С.Л. Чареков, Л.Б. Эргман. Семантика основ типа глагол/существительное в эвенкийском и английском языках. //Лингвистические исследования 1988. Языковые единицы и методы их исследования. Л., 1988. С. 188-193.

⁵ Подробнее об этом этапе см.: С. Л. Чареков. К происхождению языка. СПб., 1997.

наблюдается: *налум* ‘удочка/удить’, *сукэ* ‘топор/рубить топором’, *гаки* ‘ворона/каркать’ (о вороне), *агды*, ‘гром/греметь’.

Семантика глагола в этих примерах самым непосредственным образом связана с самим предметом и именуется действие, наиболее характерное для этого предмета: удочка создана именно для того, чтобы ‘удить’, а топор – чтобы ‘рубить’. Для вороны отличительным признаком служит именно способность ‘каркать’, а не умение ‘летать’, что и выделяет ее среди других птиц. Но вот слово, обозначающее перелетных промысловых птиц, представляет собой синкретическую форму именно такого рода: *дэг* ‘птица/лететь’. Однако, с этим глаголом возможно не только словосочетание *дэбил дэгрэ* ‘птицы летели’, то есть именно ‘перелетные птицы’, но и *кйран дэгрэ* ‘орел летел’. Следовательно, в семантике глагола уже полностью утрачивается значение существительного ‘птица’, и остается лишь глагольное значение ‘лететь’, способное характеризовать действие любых птиц, а не только промысловых.

Для сравнения приведем несколько примеров суффиксального словообразования: *сукэдэ* = не ‘рубить топором’, а ‘ударить топором’ (‘ударить топором’ вовсе не предполагает, что нечто нужно именно ‘разрубить’ – возможно и большее количество самых разнообразных намерений), *сукэлэсин* = ‘пойти за топором’, *сукэру* = ‘работать топором’. Глагольные значения в этих производных формах явно отходят от основного первичного значения.

Но такое же отдаление от исходного значения характерно и для синкретических форм. Причём эти семантические сдвиги допускают классификацию по степени удаленности глагольных значений от основной номинативной семантики. Начальным этапом семантической дифференциации глагольного значения можно считать те случаи, когда от исходного значения имени образуются два глагольных значения.

Наиболее простым случаем такого “раздвоения” глагольной семантики может служить следующий пример: *сэктэ* ‘ветка’ – *сэктэ* = 1. ‘подстилать ветки’ и 2. ‘нарубить веток’. Здесь также реализуются глагольные значения, которые в наибольшей степени применимы, подходят для действия, направленного на такой предмет как ‘ветка’. Восприятие же одного из этих двух значений диктуется конкретной ситуацией, в которой употреблена эта форма. Если ветки уже заготовлены и находятся под рукой, то данный глагол и воспринимается как ‘подстелить ветки’. Если же их нет – следовательно, надо пойти и ‘нарубить веток’.

Своеобразной разновидностью семантического сдвига можно считать возникновение в глаголе семантически однородных, но имеющих различное направление значений: *агун* ‘скука’ – *агун* = 1. ‘соскучиться’ (возвратное действие, направленное на субъект действия) и 2. ‘наскучить кому-либо’ (действие, направленное на объект).

Выделяются и такие глагольные значения, в которых отражается действие самого предмета и действие, совершаемое в сфере данного предмета. Например, *лэвэ* ‘топь, трясына, болото’ – *лэвэ* = 1. ‘колебаться (о почве под ногами)’ (действие самого предмета) и 2. ‘вязнуть в трясыне’ (действие в сфере предмета); *тылкэ* ‘порох’ – *тылкэ* = 1. ‘взорваться (о порохе)’ и 2. ‘выстрелить (из ружья)’. Первое глагольное значение в этих примерах непосредственно связано с наименованием предмета, второе связано опосредованно, логически оно обоснованно, но обозначает уже совершенно иное действие.

Дальнейшее развитие этой тенденции ведет к ещё большему отрыву глагольной семантики от исходной: *авикта* ‘мозоль’ – *авикта*= 1. ‘натереть себе мозоль (на ногах)’ и 2. ‘бродить зимой по тайге’, *агйкта* ‘стелька (травяная)’ – *агйкта*= 1. ‘бродить, ходить по лесу в поисках следов зверя (по снегу без лыж)’ и 2. ‘осматривать ловушки, капканы’.

Все многочисленные аналогичные примеры свидетельствуют, во-первых, о том, что перемена номинативной функции на глагольную определяет возможность дальнейшего развития, причём весьма детализированного, семантики уже самостоятельной глагольной формы. Во-вторых, все эти семантические изменения носят тот же характер, что и при суффиксальном словообразовании.

Весьма любопытно сравнить численность синкретических форм типа существительное/глагол в английском и алтайских языках. Если в английском подобных форм огромное количество, то в эвенкийском их всего около пятисот. В бурятском их в десять раз меньше, а в тюркских языках встречаются лишь единичные примеры такого рода. Вывод может быть один: в алтайских языках синкретизм последовательно вытесняется суффиксальным способом словообразования.

Английская конверсия, ввиду относительной немногочисленности словообразовательных морфем, выполняет эту же функцию. Однако характер семантических изменений при этом может существенно отличаться от эвенкийского синкретизма.

Прежде всего это отличие заключается в отсутствии такого последовательного отвлечения глагольной семантики от исходного значения имени, примеры которого приведены нами выше. К ним, пожалуй, можно добавить ещё более яркие случаи. Так, если *forest* – ‘лес’, то соответствующий глагол обозначает не ожидаемое, наиболее естественное действие, такое как ‘пойти в лес’, ‘ходить по лесу’, ‘охотиться в лесу’ и даже не ‘рубить лес’, а ‘засаживать лесом’. Можно подумать, что англичане после оледенения только и занимались тем, что засаживали лесом меловые скалы Дувра. А от такой жизненно важной реалии как *grain* ‘зерно, зерновой хлеб’ образуется глагол со значением, далеким от повседневных жизненных забот – ‘зернить, раскрашивать под мрамор’.⁶

Другой, именной тип конверсии в английском языке также широко распространен и частично обозначается как “проблема *stone wall*”, то есть ‘камень-стена’ – ‘каменная стена’. Дело здесь вовсе не в том, чтобы однозначно доказать, чем в данном сочетании является слово *stone* – существительным или прилагательным, а что именно за ним скрывается. В данном случае – обозначение материала. Поскольку подобные сочетания на письме обозначаются тремя различными способами (пишутся слитно, отдельно и через дефис), что далеко не всегда логически обосновано, приходится передавать их со знаком (+) “плюс”.⁷

В отличие от существительного *stone* ‘камень’, способного в номинативном биноме обозначать материал, существительное *water* ‘вода’ таким значением практически не обладает. Единственный из большого количества примеров с этим

⁶ Конечно в английском языке можно найти массу случаев, в которых развитие глагольной семантики по своей типологии полностью совпадает с эвенкийскими примерами и, следовательно, задача состоит в том, чтобы выявить условия необходимые для таких совпадений и объяснить причины расхождений.

⁷ См. О. Н. Труевцева. Указ. соч., с. 14-62.

словом случай *water+ice* ‘вода+лёд’ – это не просто ‘водяной лёд’ или ‘лёд из воды’, а ‘замороженная смесь фруктового сока и воды’, то есть предмет, отнюдь не идентичный исходному материалу.

Все остальные сочетания к материалу не имеют никакого отношения: *water+bottle* это вовсе не ‘бутылка, сделанная из воды’, а ‘сосуд для воды’, *water+man* совсем не ‘человек, сделанный из воды’ и даже не ‘водяной’, а всего лишь ‘лодочник’, то есть человек, перевозящий людей через воду.

Подобные сочетания с этим словом могут передавать самые различные отношения между объектами: *water+anchor* ‘плавающий якорь’, то есть якорь, плавающий на поверхности воды; *water+bird* ‘водяная птица’ – птица, жизнедеятельность которой связана с водой; *water+mill* ‘водяная мельница’ – мельница, работающая при помощи воды; *water+pump* ‘водяной насос’ – механизм для перекачивания воды; *water+glass* ‘водомерное стекло’ – приспособление для контроля над уровнем воды; *water+carriage* ‘речной транспорт’ – транспорт, передвигающийся по поверхности реки.

Для сравнения английской конверсии с алтайским синкретизмом, очевидно, следовало бы учитывать именно подобные соотношения между компонентами биномов, в конечном счёте, отражающих как логику языкового мышления, так и реальное соотношение конкретных предметов. То есть именно то, что стоит за расхожим утверждением о том, что “язык отражает действительность”.

В бурятском языке, как и во всех алтайских, синкретические формы типа существительное/прилагательное распространены достаточно широко. Наиболее архаичные среди них – это слова, обозначающие какой-либо предмет и характеризующие этот предмет по данному материалу: бур. *бур* ‘глина/глиняный’, *сэмбэ* ‘сукно/суконный’, *алтан* ‘золото/золотой’, *шоно* ‘волк/волчий’ (шоно даха ‘волчья кожа’, то есть кожа из волчьей шкуры).

Архаичность подобных форм определяется, по всей видимости, своего рода “естественным” для человеческого мышления переносом названия материала на изделие из него, особенно в тех случаях, когда из данного материала изготавливается лишь один вид изделий. Так в 50-х годах XX века появление принципиально нового материала капрона определило и название единственного поначалу изделия из него – капроновых чулок. Однако другой, достаточно древний материал “хрусталь” до сих пор обозначает не один предмет, а весь обширный ассортимент изделий из этой разновидности стекла.

В качестве логического развития подобной тенденции переноса наименований в бурятском языке можно рассматривать и словоформы, определяющие или характеризующие предмет этим качеством, и через это – качество и признак. Чаще всего это словоформы, обозначающие и характеризующие человека: *алая* ‘резвый, озорной/шалун, озорник’, *бага* ‘маленький/малыш, дитя’.

Дальнейшее развитие семантики подобных форм приводит к возникновению двух значений существительного, одно из которых является обозначением человека, а другое представляет собой отвлеченное понятие: *бардам* ‘чванливый/гордец’ и ‘чванство’, *залхуу* ‘ленивый/лентяй’ и ‘лень’, *тэнгэ* ‘глупый/глупец’ и ‘глупость’ *сэсэн* ‘мудрый/мудрец’ и ‘мудрость’.

Подобные формы могут относиться не только к человеку, но и к неодушевленным предметам, именуя и одновременно характеризуя их по основным и наиболее

существенным признакам: *аса* ‘развилина, вилы/парный, развилистый’; *налюур* ‘склон/покатый’, *хада* ‘гора/горный’.

Сходство и различие в семантике именных синкретических форм бурятского языка и английской конверсии такого же типа вполне очевидно. Бурятский синкретизм, так же как и английская конверсия, в некоторых очевидно исходных случаях остается в рамках наименование-качество, наименование-свойство, наименование-признак. Так, если понятие “емкость для воды” в бурятском и английском образованы по одной модели – *уһан* тулам ‘водяной мешок’, то есть ‘кожаный мешок для воды’ и *water+bottle* ‘графин для воды’, то такие понятия как *water+bird* ‘водяная птица’, *water+main* ‘водопроводная магистраль’, *water+pump* ‘водяной насос’ в бурятском уже построены по другому принципу – *уһанай шубуун* ‘водяная птица’, *уһанай сорго* ‘водопровод’ (букв. ‘водяная труба’), *уһанай насос* ‘водяной насос’. Первый компонент атрибутивного сочетания получает морфологическое подкрепление, которое в данном случае представлено формантом родительного падежа, функционирующего в роли словообразовательного суффикса имени прилагательного, превращаясь из синкретической формы в производное прилагательное.

Опираясь на рассмотренный здесь, а также на оставшийся за рамками данных заметок материал алтайских языков, можно прийти к заключению, что семантика в процессе развития языка предшествует морфологии. И именно семантика вызывает потребность в морфологии, функция которой заключается в оформлении и закреплении уже возникших в языке семантических различий.

Вместе с тем, примеры из английского языка показывают, что морфология отнюдь не является единственным средством передачи семантических дифференцированных отношений между реальными предметами и отвлеченными понятиями. Одни и те же отношения могут передаваться средствами как морфологии, так и синтаксиса. Следовательно, особый интерес может представить сравнение алтайского синкретизма с аналогичными явлениями не современного, а древнеанглийского языка, что, возможно, позволило бы выявить некий общий этап развития языков различных как по своей типологии, так и по происхождению. Основное внимание при подобном рода исследовании должно быть уделено именно семантике, отражающей зачастую иррациональным или же интуитивным способом вполне реальные взаимосвязи объектов внешнего мира.

Таким образом, опираясь на все изложенное, можно прийти к следующим выводам:

1) алтайский синкретизм и английская конверсия являются типологически сходными явлениями, ведущими к грамматической дифференциации частей речи: существительного и прилагательного;

2) явление синкретизма в обоих языках носит словообразовательный характер, семантика близких по своим грамматическим параметрам слов (существительные и прилагательные), – оба эти разряда относятся к именным частям речи, что создает предпосылку к их разделению.

3) в английском языке синкретизм возник в результате исчезновения показателя глагольного суффикса (*-en*), а в бурятском языке грамматическое значение имени прилагательного возникло благодаря употреблению показателя родительного падежа – (*-ай*).

SUMMARY

The aim of the present article is to compare some characteristics of the syncretic forms in the Altaic languages with conversion in English. A set of examples illustrates some common features, as well as principle difference of these sometimes wrongly mixed up categories. The main attention is paid to the analysis of semantic changes in the word with its “transfer” from one grammatical category to the other.

To summarize, we can draw the following conclusions based on the abovementioned: 1) Altai syncretism and English conversion are typologically similar phenomena, leading to the grammatical differentiation of the parts of speech: noun and adjective;

2) the phenomenon of syncretism in both languages is word-formative in nature, the semantics of a noun and adjective, grammatically close words belonging to nominal parts of speech, create the conditions for their separation;

3) English language syncretism is the result of the drop of the verbal suffix marker (*-en*) and in the Buryat language grammatical meaning of adjective arose due to use of the genitive case marker – (*-aiŋ*).